

Государство-цивилизация в цифровой ойкумене

State-civilization in the digital ecumene

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26

УДК 321

Получено: 23.02.2023   Одобрено: 21.03.2023   Опубликовано: 25.03.2023

Федорченко С.Н.

Д-р полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами НИЯУ МИФИ.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Fedorchenko S.N.

Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Management of Science-Intensive Industry and Regional Projects NRNU MEPhI.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Аннотация

В начале работы представлен краткий обзор статей текущего тематического номера «Журнала политических исследований», посвященного политическим аспектам, проблемам феномена мировоззрения. При этом основной *целью* статьи является исследование особенностей конструирования цифровых ойкумен на примере государств-цивилизаций России и Китая. *Методологической оптикой* данной статьи стали принципы сравнительного анализа, основанные на сопоставлении однопорядковых, схожих политических феноменов, процессов и явлений. В качестве таковых выступили государства-цивилизации, их цивилизационные особенности, а также приемы конструирования их цифровых ойкумен (государственная политика инноваций; стратегические нормативные документы, касающиеся информационной сферы; цифровая дипломатия). Сопоставлены и уточнены признаки государства-цивилизации как специфической формы политики. Также в работе была предпринята попытка *концептуализации феномена цифровой ойкумены* – системы из информационных агентств, корпораций, интернет-ресурсов, радио, телевидения, ведущей медийную активность в других странах для позиционирования и защиты интересов, ценностно-цивилизационной, политической, экономической повестки создавших ее государств. Такая концептуализация основана на рецепции Античности и соотносится с пониманием ойкумены как сферы влияния государства через цифровые технологии и коммуникации. Рецепция предполагает и сохранение цивилизационного смысла ойкумены. Сделан *вывод*, что государства-цивилизации в условиях развития глобальных сетевых коммуникаций для сохранения своих цивилизационных ядер ориентированы на поддержание собственных цифровых ойкумен, как новых полей технологических и культурных стратегических действий. Выдвинуто предположение, что цивилизационная бескомпромиссность Запада, его стратегия divide et impera, скорее всего, будут способствовать укреплению такой формы политики как государство-цивилизация. В условиях существующей геополитической турбулентности государства-цивилизации могут сосредоточиться на выстраивании новой, более справедливой системы международных отношений, основанной на урегулировании политических, религиозных и этнических конфликтов, а не их эскалации и консервации.

Ключевые слова: государство-цивилизация, цифровая ойкумена, мировоззрение, цивилизация, инновация, цифровая дипломатия, ойкумена, Россия, Китай, Запад.

Abstract

At the beginning of the work, a brief review of the articles of the current thematic issue of the «Journal of Political Research», devoted to political aspects and problems of the worldview phenomenon, is presented. At the same time, the main goal of the article is to study the features of the construction of digital ecumene on the example of the Russian and Chinese states-civilizations. The methodological optics of this article is the principles of comparative analysis, based on the comparison of the same order, similar political phenomena, processes and phenomena. The methodological optics of this article is the principles of comparative analysis, based on the comparison of the same order, similar political phenomena, processes and phenomena. These were the state-civilizations, their civilizational features, as well as the methods of constructing their digital ecumene (state policy of foreign broadcasting; strategic regulatory documents related to the information sphere; digital diplomacy). The features of the state-civilization as a specific form of polity are compared and clarified. Also, an attempt was made to conceptualize the phenomenon of the digital ecumene – a system of news agencies, corporations, Internet resources, radio, television, leading media activity in other countries to position and protect the interests, value-civilizational, political, economic agenda of the states that created it. Such a conceptualization is based on the reception of Antiquity and correlates with the understanding of the ecumene as a sphere of influence of the state through digital technologies and communications. Such a reception also presupposes the preservation of the civilizational meaning of the ecumene. It is concluded that the state-civilizations in the context of the development of global network communications are focused on maintaining their own digital ecumene as new fields of technological and cultural strategic actions in order to preserve their civilizational cores. It has been suggested that the civilizational uncompromisingness of the West, its strategy of «divide et impera», will most likely contribute to the strengthening of such a form of polity as a state-civilization. In the conditions of the existing geopolitical turbulence, the states-civilizations can focus on building a new, more just system of international relations based on the settlement of political, religious and ethnic conflicts, rather than their escalation and conservation.

Keywords: state-civilization, digital ecumene, worldview, civilization, foreign broadcasting, digital diplomacy, ecumene, Russia, China, West.

Ойкумена – населенная земля, по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

И.А. Ефремов, «На краю Ойкумены»

Вместо введения:

комментарии к тематическому номеру и методологические пояснения

Предлагаемый читателю новый тематический номер «Журнала политических исследований» посвящен политическим аспектам, проблемам феномена мировоззрения. Это уже второй номер журнала, ориентированный на академическую дискуссию по поводу мировоззрения. Первый был опубликован в 2022 г. [28]. Диапазон акцентов, расставленных авторами номера в своих статьях, довольно широк, но отвечает определенной логике полифонии академического дискурса: если часть исследований больше отражает концептуальную и методологическую стороны феномена мировоззрения, то другие ученые сосредоточились на эмпирических нюансах данного вопроса.

Большое внимание авторы решили уделить консервативной идеологической мысли. К примеру, в своей статье «Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности» доктор политических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель проекта «ДНК России» А.В. Полосин рассматривает часто игнорируемые в современных трудах концепции русского космизма, коммунитаризма и солидаризма. Однако, обращаясь к этим концепциям, автор приходит к выводу, что они «...воплощают значимые для российской цивилизации ценностные константы общинности, соборности, согласия и солидарности, а также подчеркивают глобальную укорененность

российского мировоззрения при самобытном характере прочтения и интерпретации идеологических ориентиров ведущих течений социально-политической мысли» [21]. Система аргументации статьи предполагает широкое обращение к цитатам из работ А. Герцена, П. Чаадаева, Н. Страхова, В. Соловьева, Г. Гинса, Л. Карсавина, С. Гессена, С. Франка и других мыслителей в сравнительном ключе.

Совместная работа А.В. Шичанина и О.Д. Гривкова «Умеренный консерватизм как мировоззренческая основа современной России» обращается к современному состоянию российского общества, потенциалам умеренного консерватизма как концепции возрождения духовно-нравственных ценностей в России, останавливается на соотношении умеренного консерватизма и экономических ценностей, образе будущего. Размышляя о российском «мировоззренческом ДНК», авторы пишут [34], что «...для российского идентификационного кода важны такие понятия как справедливость, уважение, правда, реализм, единство, создание атмосферы общества соотечественников, соработничество, мотивированность управленческих решений, творчество и конструктивная инициативность».

Т.А. Подшибякина, доктор политических наук, автор из Южного федерального университета целью своей статьи «Идеологические аспекты мировоззрения: методология исследования в политической науке» делает выявление базовых междисциплинарных методологических подходов, применимых к политологическому анализу идеологических аспектов мировоззрения. В ее исследовании сравниваются неомарксистские концепции, определяются методологические возможности дискурс-анализа, контент-анализа, бихевиоризма, социокультурного подхода. Ряд своих доводов автор связывает с аналитическими построениями М. Фридена [20]. Следует отметить, что такого рода исследования весьма полезны для развития и совершенствования методологического инструментария современной политической науки.

Следует подчеркнуть, что авторы номера активно комментируют как отечественный, так и зарубежный опыт исследования феномена мировоззрения, учитывая современные политические реалии. Так, исследователь из Воронежского государственного университета, доктор политических наук Р.В. Савенков проводит сравнительный анализ ряда тезисов российского философа Н.Я. Данилевского, предложенных им в книге «Россия и Европа», и положений «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Любопытно, что сравнительный анализ приводит автора к выводу, что перед Российской империей и Российской Федерацией стояли схожие вызовы [23].

Исследователь из МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук Д.С. Полулях в статье «Концепция культурной войны и ее потенциал для анализа политико-мировоззренческих конфликтов» выделяет два подхода к анализу феномена культурных войн – системный и эмпирический. Параллельно рассматриваются «горячие точки» культурных войн в современных социумах, проводится анализ существующих исследований об американских культурных войнах. В статье дается и авторская трактовка политико-мировоззренческих конфликтов. Под ними понимаются «...столкновения, в основе которых лежат противоречия убеждений, морально-этических оценок и ценностных ориентаций по отношению к политически релевантным проблемам данного сообщества» [22].

Важно прокомментировать и работы, основанные на эмпирических исследованиях. Например, в статье О.Ю. Шмелевой и В.А. Шаблова из Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского «Ценностно-мировоззренческие основы восприятия молодежью современного российского государства в условиях глобальной нестабильности» актуализируется проблематика «...обеспечения и сохранения целостности и непротиворечивости мировоззренческого ядра российского общества» [35]. Опираясь на методику «предельных смыслов» Д.А. Леонтьева, теорию «личностных конструкторов» Дж. Келли, а также на результаты проведенного анкетирования (с учетом формулы К. Нобла при обработке данных), авторы приходят к следующим выводам: с одной стороны, «...мировоззренческий остов в сознании современной молодежи формируют такие идейно-смысловые единицы восприятия государства, как развитие, инновации, мощь, безопасность,

сила, справедливость, ответственность...», с другой, «...политическое мировоззрение россиян в возрастном диапазоне 14 – 35 лет фрагментировано, внутренне неоднородно и рассогласовано» [35]. Очевидно, что специалистам нужно присмотреться к подобным наблюдениям.

Интересные результаты имеются и в области изучения цифровых явлений, связанных с формированием мировоззрения. Так, в коллективном исследовании «Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян» на основании проведенных фокус-групп авторы пришли к пониманию, что «...в общественном сознании респондентов цифровой мир слабо концептуализирован. Представления о цифровых технологиях у респондентов носят поверхностный характер и различаются в разных возрастных группах» [5]. Статья содержит интересные выводы о положительно и негативно воспринимаемых сторонах цифровых технологий.

Другое коллективное исследование, проведенное посредством анкетирования, показало сложный характер политического мировоззрения: с одной стороны, «...большинство опрошенных были заинтересованы в отстаивании своих принципов и взглядов», однако, с другой стороны, респонденты осознают свою внушаемость, что можно считать признаками критического мышления [1].

***

Перед тем как перейти к аналитической части статьи, следует сделать методологические пояснения. Методологической оптикой данной статьи станут принципы сравнительного анализа, исходящие из однопорядковости сопоставляемых схожих политических феноменов, процессов и явлений. Основной упор будет сделан на сопоставлении схожих явлений в России и Китае. В качестве таких однопорядковых явлений в сравнительном ключе будут исследоваться следующие: государства-цивилизации, их цивилизационные особенности и цифровые ойкумены, а также аспекты, направления, технологии, приемы конструирования данных цифровых ойкумен (государственная политика инноваций; стратегические нормативные документы, касающиеся информационной сферы; цифровая дипломатия).

Также будет предпринята попытка концептуализации феномена цифровой ойкумены, рассмотрена ее значимость для государства-цивилизации. Отдельно будут подчеркнуты и факторы, силы, препятствующие развитию цифровых ойкумен Российской Федерации и Китайской Народной Республики. На основании этих отправных методологических соображений основной целью статьи станет исследование особенностей конструирования цифровых ойкумен на примере государств-цивилизаций в России и Китае.

Цивилизация vs цифровизация?

Со времени появления идеи культурно-исторических типов, изложенной Н.Я. Данилевским в книге «Россия и Европа», отечественные и зарубежные ученые проделали определенную работу, посвященную пониманию сущности цивилизации и самому цивилизационному подходу. Но однозначного видения и объяснительных моделей в этом проблемном контуре до сих пор не существует. М. Вебер предлагал сопоставлять разные культурные миры, А. Тойнби, У. Макнил и Б. Нельсон – определять особенности межцивилизационных взаимодействий. Э. Дюркгейм и М. Мосс относились к цивилизациям как к «семействам обществ» – длительно существующим совокупностям обществ со специфическими видами интеграции, взаимодействия и дифференциации. Ш. Эйзенштадт предложил вести цивилизационные исследования, учитывая множественность вариантов глобализации, интерпретативные (культурная интерпретация мира) и институциональные (регулирование социальных арен жизни) компоненты. Н. Элиас постарался объяснить развитие цивилизаций через идею смены, усложнений фигураций – социальных цепочек взаимодействия людей [2, с. 37-59]. Современные тренды академического дискурса по этому вопросу также имеют свои особенности, что ярко проявляется на примере категории «государства-цивилизации».

Разные авторы, обращаясь к научной проблеме «государства-цивилизации», часто противопоставляют этот феномен «государству-нации» (развивающейся после Французской революции традиции политического дизайна), считая специфическую политику nation state результатом эволюции западной, евроатлантической цивилизации и причисляя к ней такие ценностные ориентиры как приоритет материального над духовным, доминирование права над этикой, «внеморальность» законов и политики государства, прагматизм, утилитаризм, политическое понимание «интересов», «национальных интересов», «интересов национальной безопасности» как того, что способно принести прибыль. Хотя защита собственных интересов и установление «нового мирового правопорядка» не редко осуществляется государствами-нациями внеправовыми приемами [29, с. 23-24]. К государствам-цивилизациям разные авторы относят Россию, Китай, Индию [2; 8; 19], а также Иран и Турцию [18]. Такие соображения наводят на мысль, что западная цивилизация состоит из нескольких поддерживающих друг друга государств-наций (США, Соединенного Королевства, Франции, Германии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и др.), имеющих, безусловно, свою специфику, но и отстаивающих общие политические и другие интересы, а также согласовывающих обосновывающую, легитимирующую эти интересы цивилизационную повестку.

С одной стороны, уже с 1990-х гг. модель государства-цивилизации на фундаменте культуры начинает в виде альтернативы противопоставляться модели государства-нации, находящейся в кризисе (М.В. Ремизов)¹, с другой стороны, появились академические труды, старающиеся примирить эти две модели в рамках концепции «национально-цивилизационной идентичности» – общности, сочетающей в себе как черты цивилизации, так и нации (В.И. Пантин) или в формате концепции цивилизационного кода [39]. Другие авторы (В.В. Наумкин) выделяют государства промежуточного типа, обладающих лишь некоторыми признаками государства-цивилизации [18]. И, конечно, существуют ученые, которые как Дж. Дорси критикуют саму эту концепцию.

Государство-цивилизация обладает определенными признаками. Это – связь основ государственного устройства с цивилизационными ценностями, обеспечивающая адаптивность к различным вызовам на протяжении длительного исторического периода; двухуровневая идентичность из цивилизационной и этнической систем идентификации (фактически – надэтничность); наличие надэтничной мировоззренческой конструкции; гетерогенный (разнородный), неунифицированный характер государства при сохранении интегративной функции цивилизационного ядра; наличие системы воспроизводства ценностей, обеспечивающей преемственность в государственном развитии; политический суверенитет, обеспечиваемый защитой цивилизационных основ [3]. К примеру, такие признаки, по мнению В.Э. Багдасаряна, отличают государство-цивилизацию от государства-нации, государства-ордена, государства-клана, государства-этноса. А.Г. Володин к признакам государства-цивилизации добавляет [8] «географический каркас» – единство территориального и исторического пространства, наличие общей исторической памяти, фактор высокоразвитого литературного языка (русского, китайского, хинди и др.), принимаемого большинством населения. О государстве-цивилизации с определенной долей осторожности можно говорить, если в стране есть значительная общность, которая осознает себя не просто частью глобального мира, а некой культурно-политической целостностью.

Авторы отмечают, что государство-нация может колебаться между попытками влияния на другие суверенные страны и защитой собственного суверенитета; считают вопрос возможности влияния государства-цивилизации на страны с другими цивилизационными признаками недостаточно разработанным [19]. Однако серьезной проблемой современного политологического исследования является не только операционализация понятий и классификационный анализ, но и определение характера, специфики проявления процесса цифровизации в разных политиях – от государства-цивилизации до государства-нации. Пока

---

¹ Харин А.Н. Государство-цивилизация: от евразийства к византизму //Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-tsivilizatsiya-ot-evraziystva-k-vizantizmu> (дата обращения: 10.03.2023).

эта проблема не приобрела должного внимания в политологических работах, хотя ключевой элемент цифровизации – распространение алгоритмов в сфере культуры, образования, науки, политики, государственного управления и экономики начинает приобретать по истине экзистенциальный характер.

У активизации *цивилизационногенеза* – обращения в ряде стран представителей элиты к политике идентичности, корректировке механизмов идентификации общества и государства на основе цивилизационных признаков – есть несколько объяснений, но все они хорошо укладываются в закон А. Тойнби «вызова и ответа». Цивилизационногенез происходит как «ответ» на определенный «вызов», которым может быть глобализация, а также агрессивное, разрушительное для исторически сформированных ценностей в обществе воздействие иной цивилизации. Здесь важно помнить, что каждое государство имеет область, сферу своего влияния – от территориальной, политической, экономической до культурной, технологической, информационной. Причем, культурное, политическое, технологическое, информационное влияние совсем не обязательно укладывается лишь в территориальные границы государства, а напротив, не редко заходит за них, распространяясь на другие государства, их города, группы населения, отдельные территории, крупные регионы из нескольких стран.

Обращаясь к рецепции Античности, каждую из вышеперечисленных сфер влияния государства можно соотнести с категорией *ойкумены* – обитаемой, осваиваемой частью мира. Не так давно появились небезытересные попытки проанализировать эту проблему через призму определения России, как «государства-ойкумены» – системы со своими внутренними законами [14]. Однако в подобных теоретических изысканиях следует идти дальше, чтобы снять противоречие между политическими границами государства и пониманием ойкумены как более широкой локации, находящейся за пределами границ государства, но, безусловно, испытывающей его культурное, политическое, информационное воздействие. Все-таки со времен Геродота ойкумена – внешнее по отношению к государству пространство, а не внутренняя его часть. Н. Луман описывал это явление как «окружающий мир самореферентной системы». Такие системы способны воспроизводить собственные функциональные единства в виде общих смыслов.

Общие смыслы устраняют различие между системой и ее окружающим миром – ойкуменой. Государство-цивилизация не просто замыкается в своих политических границах, а сохраняет, поддерживает или даже распространяет собственное влияние на другие государства, регионы и территории. Возможно, для более глубокого понимания сути взаимоотношения государства-цивилизации, а также альтернативных политий с их ойкуменами лучше подойдет теория стратегических полей Н. Флигстина и Д. Макадама, в которой перемещенные поля стратегических действий – это социально конструируемые, подвижные арены, являющиеся площадками борьбы акторов, обладающих разными ресурсами [29, с. 51-56, 236]. В ходе такой аксиоматии (растянутой во времени длительной ценностной борьбы) происходит интерпретативный процесс (Г. Блумер), обеспечивающий определение и преемственность цивилизационных основ и смыслов.

Важно оговориться, что в данной статье цифровые ойкумены рассматриваются именно как внешние поля стратегических действий государств в цивилизационном, цифровом, политическом, экономическом плане. Конечно, важная роль принадлежит центрам генерации подобных цифровых ойкумен внутри самих государств. Однако в рамках одной статьи проанализировать эти центры не представляется возможным. Попытка анализа и концептуализации таких генераторов цифровых ойкумен была проделана автором в его предыдущих исследованиях о феномене «сетевого полиса»².

---

² Например, см. попытки концептуализации «сетевого полиса» как коммуникационных арен, формирующих идентичности: Федорченко С.Н. Сетевой полис: гражданин на перекрестке реальной и виртуальной политики //Обозреватель. 2019. № 4(351). С. 68-85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-polis-grazhdanin-na-perekryostke-realnoy-i-virtualnoy-politiki> (дата обращения: 10.03.2023); Федорченко С.Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета //Журнал политических исследований. 2021. Т.

Пока же можно предположить, что такая форма политики как государство-цивилизация сможет сохранять мировоззрение страны посредством цифровых технологий и на основе устойчивого цивилизационного ядра, препятствуя пропагандистским устремлениям недружелюбных государств, радикальных политических группировок и организаций, нацеленных на расчленение общности на микро-группы, где индивид лишен поддержки единомышленников (о таком механизме, к примеру, давно предупреждал Ж. Эллюль [37, с. 27]); цифровизация, внедрение технологий искусственного интеллекта и алгоритмов лишь расширили возможности политической пропаганды, в том числе и деструктивные, нацеленные на мировоззренческие расколы).

Следует отметить, что греческие полисы, финикийские, этрусские, римские города поддерживали связи с собственными ойкуменами культурно (язык, храмы, культы), экономически (эмпории, торговля), политически (соглашения), информационно (дороги, дорожное сообщение, почта), тогда как их ойкумены становились органичным механизмом по воспроизводству их оригинальных цивилизаций. Собственные ойкумены стараются поддерживать и разные современные политики – как государства-нации, так и государства-цивилизации. Ойкумены как поля стратегических действий государств-цивилизаций формируются на базе совместной генерации цивилизационных смыслов, возникающего общего нарратива, осознания цивилизационной идентичности и миссии. Иными словами, цифровые ойкумены – закономерный этап развития таких полей стратегических действий. Рецепция Античности дает ключ к пониманию ойкумены как сферы влияния государства через цифровые технологии и коммуникации. Такая рецепция предполагает и сохранение цивилизационного смысла ойкумены. *Цифровые ойкумены – это системы из информационных агентств, корпораций, интернет-ресурсов, радио, телевидения, ведущие медийную активность в других странах для позиционирования и защиты интересов, ценностно-цивилизационной, политической, экономической повестки создавших их государств.* Такая защита интересов имеет свои отличия от традиции защиты интересов западных государств, где доминирует материальный фактор достижения прибыли. Коммуникационная формула, связывающая воедино государство-цивилизацию и его ойкумену, была предложена уже в Античности. Еще Аристотель в начале первой главы своей «Политики» понимал под государством «общение политическое», стремящееся к высшему и наиболее важному из всех благ. Плотин же напоминал, что «постоянство Целого требует разнообразия форм». Ойкумена как раз и означает политическое разнообразие вокруг государства-цивилизации, соединяемое общими смыслами (не случайно Плотин уподоблял Космос сети).

Важно обратить внимание на тот факт, что академический дискурс и риторика политиков высокого ранга о проблеме государства-цивилизации актуализировались на период развития и формирования цифрового капитализма, логика и особенности развития которого определялись крупными цифровыми корпорациями. Либеральная эрозия западной цивилизации и ее идеалов свободного выбора, личной свободы, политики меньшинств, принятия бесконечных изменений и глобальной мобильности также совпала с этими процессами, вступив в противоречие с запросом сообществ на устоявшуюся, безопасную и предсказуемую жизнь, определяемую нематериальными ценностными ориентирами. Феномен тесной связи нового этапа цивилизационногенеза с цифровизацией общества и государства в своей работе довольно детально поясняет профессор политологии Университета Кент А. Пабст. Несмотря на то, что угроза перерождения демократии актуализировалась в политической философии еще со времен Платона, Аристотеля и Цицерона, идеологи либерализма своей деятельностью в правительствах ряда стран не укрепили конкурентные рынки и свободный политический дискурс, а, наоборот, создали комфортные условия для развития плутократической власти технологических монополий – Google, Apple, Amazon, Microsoft, Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена в РФ), получивших

эсклюзивный доступ к контролю информационных потоков и цифровых коммуникаций. В результате западная цивилизация, идентифицирующая себя хранительницей либеральных ценностей с периода конвергенции социального и экономического либерализма 1960-х гг., на практике оказывается не способна эти самые ценности открытости, демократического плюрализма, равенства защищать [19], что закладывает новые мировоззренческие расколы, чреватые делегитимацией либерально-демократических режимов.

Процесс развития идеалов автономного человека западной цивилизации и ориентация на потребительское поведение способствовали тому, что индивид получил преимущество над коллективом, а также приобрел право покидать любые социальные группы. К. Штрэнгер подчеркивает, что возникший на Западе либеральный порядок привел к его слабой стороне – вопросы о «больших смыслах» были переведены в персональное распоряжение каждого человека: «В отличие от наших предков мы сегодня не можем принять какую бы то ни было смысловую систему как самоочевидную» [36, с. 120]. Такая позиция – откровенное лукавство и нуждается в уточнении, так как сложившаяся медиакратия и система цифрового капитализма в современных западных странах при всех грезах индивидов о «смысловой автономности» генерирует и пропагандирует те же смыслы индивидуалистического отношения к обществу, политической активности, государству, культуре, экономике посредством целой «индустрии сознания», блестяще описанной Г. Энценсбергером в одноименной работе [38, с. 18], в которой он актуализирует вопросы нематериального обнищания и возникновения массы политически неимущих. Западное государство, как политический институт, умело скрылось за медиакратическим фасадом, передав часть функций цифровым корпорациям, вступив с ними в тесные отношения симбиотического характера (этот процесс хорошо проясняет модель постдемократии К. Крауча, в которой государство как политический институт эволюционирует в сторону своеобразного эллипса, оставляющего за собой стратегические функции безопасности, политического управления).

Существует мнение, что западные страны ради глобального проекта пожертвовали своими уникальными культурами, при этом Запад теряет свою монополию на трансляцию ценностей (К. Крокер, Б. Масаес) [25]. Хотя нельзя полностью исключать, что обострение информационных войн может привести к актуализации цивилизационных отличий, а значит, определенной «перезагрузке» и кристаллизации западных ценностей. Вполне вероятно, что с этим связаны и неоднократные попытки цифровой глобализации – навязывания глобальными цифровыми корпорациями посредством популярных цифровых коммуникаций и технологий единых технологических стандартов, а также некой единой цифровой ойкумены для всех государств. Однако описываемая российскими политологами «двойная функциональность» коммуникации [6] помогает понять, почему такие попытки цифровой глобализации наталкиваются на противодействия со стороны государств, в особенности государств-цивилизаций. Такого рода цифровая глобализация на самом деле может представляться государствами-цивилизациями как прикрытие односторонней вестернизации – бескомпромиссного навязывания западных ценностей и мировоззрения через разрастание западной цифровой ойкумены. Поэтому со стороны государств-цивилизаций возникает ответная реакция по защите своих мировоззренческих систем в виде культурной и технологической политик, стратегически переплетающихся и поддерживающих друг друга в феномене цифровой ойкумены. Государства-цивилизации, не предусматривающие ресурсы на собственные цифровые ойкумены, рискуют в будущем лишиться своего цивилизационного ядра, испытав ценностную интервенцию со стороны других государств-наций или государств-цивилизаций. Другими словами, цифровая ойкумена – это защитный барьер государства-цивилизации в современных сетевых условиях. Но такая ойкумена не исключает и расширение ценностного влияния государства-цивилизации.

Форсированная цифровизация, вызванная COVID-19, активное вмешательство цифровых корпоративных гигантов в экономику, науку, политику, образование, культурную сферу многих важных для них стран, как рынков сбыта собственных технологий, обозначили перед политическими элитами государств масштабные риски десоверенизации. Такие процессы

заставляют задумываться над проблемой трансформации ряда западных государств в новый тип политики – «государство-корпорацию» [26], что можно расценивать как определенный «ответ» государства-нации на «вызов» кризиса его же либеральных ценностей. Государства-корпорации – это результат тесного переплетения сфер деятельности некоторых западных государств и крупнейших корпоративных игроков, обладающих общими интересами и договоренностями. Цифровые корпорации, являющиеся налоговыми резидентами западных государств-наций, конструируют совместные ойкумены – поля стратегических действий, воспроизводя общие для них основания западной цивилизационной идентичности. При этом фактор цифрового капитализма и цифрового монополизма сообщает тренд на формирование некой общей западной цифровой ойкумены в виде единого поля стратегических действий, где разные западные государства-нации, их местные корпорации вынуждены согласовывать свои медийные, экономические, культурные, политические повестки.

Учитывая другой тренд, проявляющийся в том, что результатом проникновения таких цифровых корпораций на рынки различных государств становится распространение цифровых медиа, следует подчеркнуть, что в основе таких новых медиа, в отличие от традиционных, лежит софт и алгоритмы (Л. Манович). Данный софт, его интерфейс и аффордансы являются результатом деятельности разработчиков, программистов, которые, в свою очередь, являются носителями определенного мировоззрения. Н. Луман в своей работе «Власть» предположил, что власть подразумевает управляемую кодом коммуникацию. Тогда как в основе усиления власти лежит генерализация символов, влияющая на характер символических кодов. Й. Арнасон также пишет, что не только «власть культурно детерминирована», но и культура поддерживается самой властью [2, с. 129]. На основании такой гипотезы остается только определить, какие символические, цивилизационные коды транслируются посредством цифровых алгоритмов и для каких государств они генерируют цифровые ойкумены.

Создание цифровых ойкумен вокруг западных государств, по сути, описано Г. Иннисом в монографии «Империя и коммуникация» (1950 г.), Г. Шиллером в работе «Массовая коммуникация и медиаимперия» (1969 г.), Н. Хомским, Э. Херманом в книге «Производство согласия» (1988 г.), О. Бойд-Барреттом в более позднем труде «Медиаимпериализм» (2015 г.) на примере феномена медиаимпериализма. Так, по мнению Бойд-Барретта, признаками медиаимпериализма выступают наличие следующих факторов: появление олигополии из медиакорпораций (обычно 3-4 корпоративных игроков в сговоре между собой и конкретным государством); подавление данной медиаолигополией деятельности менее крупных медиакорпораций в других государствах; как результат – снижение креативных мнений, представленных подавленными массмедиа в определенной стране [4, с. 29]. Каждая цифровая ойкумена может воспроизводить собственную социотехническую основу [7]. Как правило, западные медийные олигополии продвигают посредством цифровых коммуникаций и популярных платформ те новости, темы, повестку, которые близки западным государствам в цивилизационном плане.

Справедливости ради отметим, что формирование цифровых ойкумен – очень неоднозначный процесс. М. Кастельс обращает наше внимание на то, что национальные и региональные медиакорпорации часто сами бывают заинтересованы на вступление с глобальными корпоративными игроками в партнерские взаимоотношения для облегчения своей же медийной экспансии. Со своей стороны, крупные цифровые, медийные корпорации могут идти на такую сделку, так как медиаконтент часто нуждается в адаптации (индивидуализации) под культуру, мировоззрение, распространенные в конкретном государстве [11, с. 119]. Согласно наблюдениям Кастельса, индивидуализация аудитории стран сопутствует диверсификации цифровых платформ, концентрации собственности в руках корпораций, образующих ядро медиасетей глобального масштаба. Так или иначе, во многих исследованиях читается дискуссия по поводу наличия, отсутствия либо степени влияния манипулятивных эффектов, искажающих у людей подлинное видение политической реальности и порождаемых массмедиа.

О проблеме истинного и ложного понимания окружающей человека реальности задумывались еще в архаичные времена. Гомер задолго до Платона в своей XIII песне «Одиссеи» аллегорически изложил «миф о пещере». Порфирий в своей философской экзегезе «О пещере нимф» понимал эту гомеровскую песню символически, усматривая в «маслине у пещеры» мудрость, необходимую для понимания скрытых потенциалов в «пещере». Отталкиваясь от этого поэтического образа у Гомера и Порфирия, «пещеру нимф» можно трактовать как ту ложную реальность (подобное мнение высказывал А.Ф. Лосев), которую «ткнут» на своих «станках» современные массмедиа, цифровые корпорации – «нимфы-наяды», погружая людей («пчел»), оставляющих важные для сохранения медиакратии цифровые следы («мед»), в «каменные амфоры» – своеобразные эхо-камеры К. Санстейна. И самое примечательное, что из этой ложной реальности есть только два выхода – один доступен всем, а другой только для «бессмертных богов», то есть просвещенных, понимающих разницу между ложной и подлинной реальностью и способных читать код «нимф». Приблизиться же к этому пониманию, истинному космосу за пределами «пещеры» поможет не только просвещение («широкосенная маслина на вершине залива» как дерево Афины Паллады и символ мудрости познания), но и работа над собой (Одиссей со спутниками оставляют у этого дерева богатые дары феакийцев, то есть отказываются от всего материального). Таким образом, формирование цифровой ойкумены должно выстраиваться на принципах просветительской политики государства, а не на манипуляциях. Тем самым государство-цивилизация добьется внутреннего согласия и доверия со стороны внешней по отношению к себе среде.

Конструирование цифровых ойкумен в первую очередь фиксируется на примере возникновения *государственной политики инноваций* – создания и функционирования цифровой ойкумены из информационных агентств, корпораций, интернет-ресурсов, радио и телевидения, их бюро, представительств, ведущих медийную активность в других странах и позиционирующих культурно-ценностную, цивилизационную, политическую, экономическую повестку аффилированного с ними государства, защищающих его интересы. Такая политика инноваций прошла несколько этапов своего развития: появление пилотных практик инноваций (первый этап, 1920 – 1940-е гг.); второй этап конституирования инновационной практики (от 1950-х до 1990-х гг.); третий этап в виде технологической, алгоритмической цифровой трансформации политики инноваций (с 2000-х гг.) [9].

Конструирование, защиту и экспансию цифровых ойкумен можно рассматривать не просто через государственную политику инноваций, а обращаясь к довольно актуальной политологической проблематике *цифровой дипломатии* – форме современной дипломатии, использующей цифровые коммуникации и технологии для защиты сферы интересов, внешнеполитической стратегии государства [40]. К этой теме начали обращаться Ф. Хансон, К. Бьола, С. Олубукола, И.В. Сурма, Н.А. Цветкова, К.Е. Петров, О.В. Лебедева и другие ученые. Американская политическая традиция также использует терминологию «публичной дипломатии 2.0». Цифровая дипломатия как отдельная политологическая область пока недостаточно концептуализирована, поэтому к ней часто относят широкий диапазон цифровых дипломатических практик, начиная от воздействия на общественное мнение другой страны, внешнеполитических технологий «мягкой силы» (soft power) и «острой силы» (sharp power) до выстраивания цифровых дипломатических сетей, приемов «дипломатии данных» (data diplomacy), применяющихся для анализа политизированного контента в сетевых коммуникациях и выявления фейков, дезинформации [31]. Практики цифровой дипломатии и государственной политики инноваций также обеспечивают *цифровой суверенитет* государства – соблюдение его интересов во внутренней и внешней цифровой деятельности.

Несмотря на полярные оценки влияния корпоративных акторов на национальные и региональные медиа, следует признать факт, что наиболее активную реакцию на это корпоративное воздействие проявляют именно правительства, которые апеллируют к дискурсу государства-цивилизации. На попытках конструирования цифровых ойкумен таких государств-цивилизаций необходимо отдельно остановиться в следующем разделе.

Цифровые ойкумены государств-цивилизаций: опыты сравнительного анализа

Особая роль государства – примечательная черта российской цивилизации. В 2013 г. на Валдайском форуме о феномене российского государства-цивилизации в своей речи говорил президент страны В.В. Путин: «Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»³. При этом, президент подчеркивал важную консолидирующую роль русского народа, русского языка и русской культуры в развитии российского государства-цивилизации, «цветущей сложности» в понимании К. Леонтьева.

Государство как традиционный политический институт, сохранившийся от Руси и развивавшийся до современной Российской Федерации, выполняло задачи защиты населявших страну народов, их мобилизации против внешнего вторжения, адаптации общества к экономическим и геополитическим трансформациям. Государство обеспечивало и защиту духовных ценностей, исходя из понимания приоритета духовного над материальным (здесь можно вспомнить образы Китеж-града, Святой Руси) [30]; но подразумевался не отход от земного, материального мира, а, наоборот, стратегия его активного преобразования, адаптации при сохранении собственного цивилизационного ядра. В отличие от западного «внеморального» государства и закона, российское государство-цивилизация исходило из политической философии «правды», «государства правды» («Русская правда», «Правда Ярославичей», противопоставление Закона и Благодати в сочинении митрополита Илариона Русина; кстати, даже важнейшая большевистская газета «Правда» также отражала устойчивую символическую традицию). «Правда» одновременно отсылала к истине, праведности, порядку, моральному праву.

При этом российское государство по смыслу тесно и органично связано с понятием «государь». И эта связь исторически проявлялась в политических традициях сакрализации российской власти, самодержавия, в особом отношении к государю – великому князю, царю, императору, наконец, к президенту как к верховной инстанции.

Российское государство-цивилизация в концепции «Москва – Третий Рим» обозначило продолжение культурной и геополитической миссии Рима, Византийской империи, Русского царства, ее связи с ценностными ориентирами надэтничности и наднациональности. Важная миссия российского государства-цивилизации на политической практике относилась к «собираанию территорий региона и поддержанию равновесия между основными макрорегиональными социально-политическими системами» [30, с. 28]. А. Пабст, рассматривая Россию, как государство-цивилизацию, относит к ней такие особенности как единство в многообразии и геокультурный феномен «Русского мира», соединяющий Россию с ее советским и досоветским прошлым [19]. Выделенная Пабстом вторая цивилизационная черта России, по сути, и является основой для формулирования и защиты ее геостратегических интересов, в том числе и становится опорой цифровой ойкумены страны.

Начало российского государства-цивилизации исследователи относят к днепровскому региону Восточно-Европейской равнины, где формировалась древнерусская государственность. То, что на территории государства изначально жили разные народы – славянские, финно-угорские, тюркские и др., в дальнейшем определило многонациональный характер российского государства («русской многонациональной цивилизации» по В.В. Трепалову). Другой важной особенностью формирующейся российской цивилизации стал очаговый, островной (по М.В. Ильину) характер освоения восточными славянами обширных земель. Выражаясь терминологией Ильина, создание «островной» сети из речных поселений, городов с соответствующей культурой и экономикой сочеталось с консолидирующей миссией государства [10, с. 10]. Обнаруженные особенности способствовали и воспроизводству такой цивилизационной черты как общинность.

---

³ Владимир Путин: Суверенитет, целостность России – безусловны. URL: <https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Российский политолог В.Л. Цымбурский, анализируя российскую цивилизационную специфику, предложил концепт «Остров Россия». Согласно этому концепту, Россия является неким «островом» посреди Евразии, отделенным от других цивилизаций Великим Лимитрофом – огромным межцивилизационным поясом безопасности от Китая до Восточной Европы. Стратегическое значение в таком Лимитрофе для формирования цифровой ойкумены России занимают и постсоветские страны. Цымбурский считал, что «цивилизационных разломов» в понимании С. Хантингтона нет, зато существуют межцивилизационные территории (на примере Большого Лимитрофа России это, например, «шельфы» – регионы, исторически связанные как с российской цивилизацией, так и с другими цивилизациями (Западом, китайским государством-цивилизацией), «лимесные» области – окраины, неустойчивые в цивилизационном отношении). «Островные» особенности России, как отмечал политолог, на протяжении истории приводили ее к циклическому механизму развития – то к изоляционистской политике, то к мессианской активности (в понимании Цымбурского – «Похищение Европы») [32, с. 38-41]. Современной России, по Цымбурскому, важно развивать и консолидировать собственное цивилизационное ядро, а на Великом Лимитрофе ей требуется «островная политика» – поддержание спокойствия и недопущение доминирования Запада при одновременном налаживании связей.

Реконцептуализация политологического наследия Цымбурского может стать хорошим подспорьем в развитии модели цифровой ойкумены, сочетая наработки в сферах цивилизационного анализа, геополитики, цифрового суверенитета, цифровой дипломатии и государственной политики инноваций⁴. Такая реконцептуализация позволит помочь выявить и лучше понять не только перспективы, но и риски, угрозы цифровизации для идентичности российского государства-цивилизации. «Шельфы» и «лимесные» области Великого Лимитрофа в этом интеллектуальном поиске видятся как стратегические направления развития и укрепления цифровой ойкумены России.

Есть мнение, что в современной России имеется конкуренция между сложившейся национально-государственной идентичностью и разными этно-национальными идентичностями российских регионов. В качестве рецепта, минимизирующего риски противостояния нескольких идентичностей, предлагается поиск новой цивилизационной идентичности. На этом фоне появляется критика конструктивистского и эссенциалистского подходов к цивилизационной идентичности (если первый подход признает за идентичностью нечто подвижное, постоянно создаваемое, то второй подход отсылает ученых к устойчивым основам идентичности – коллективным или индивидуальным). К примеру, несмотря на процесс глобализации, растет роль цивилизационных значений, а значит, и локальных цивилизаций [16, с. 36].

Цифровая ойкумена России связана с отечественной традицией инноваций, которая стала формироваться чуть меньше века назад, а именно с того момента, когда с 29 октября 1929 г. стали выходить радиопрограммы «Сектор передач для иностранных рабочих в СССР» на немецком языке. Стратегическое значение имела активность Гостелерадио СССР. Знаковым событием стало появление советского «Московского радио», вещавшего на семидесяти пяти языках по всему миру (для сравнения – «Всемирная служба BBC»⁵ вещала на тридцать восемь языков, а «Голос Америки»⁶ на сорок два языка). После крушения советского государства с 1993 г. возрождение цифровой ойкумены государства происходит за счет становления основной инновационной радиостанции – «Голоса России», действовавшей до 2014 г. На смену «Голосу России» пришло такое информационное агентство как Sputnik.

⁴ Федорченко С.Н. Реконцептуализация наследия В.Л. Цымбурского: политическая легитимация в условиях цифровизации международных отношений // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №2. С. 66-86. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-66-86. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45290/view#wiki> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Роскомнадзор заблокировал по требованию Генпрокуратуры на территории РФ официальный сайт Британской радиовещательной корпорации (BBC).

⁶ Организация «Голос Америки» в РФ включена в реестр СМИ-иноагентов.

На 2021 г. Sputnik с аудиторией свыше 64 млн. посетителей за месяц практиковал не только радиовещание на сорока пяти языках [9] благодаря разным платформам и частотам, но и публиковал новости в интернет-пространстве.

Например, для арабского мира Sputnik предполагает эксклюзивные интервью, онлайн-эфир, интернет-голосования, публикацию аналитических статей по различным темам, работу сайтов, мобильных приложений, аккаунтов в социальных сетях [33]. Ежедневные новостные ленты Sputnik выходят на английском, китайском, испанском, арабском языках, а также фарси. Радиопрограммы транслируются в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Армении, Киргизии, Сербии, Турции, Ираке, Ливане, Абхазии, Южной Осетии. Sputnik.Мнения совместно с учеными проводит опросы и организует исследовательские проекты⁷. Просветительский проект SputnikPro ориентирован на взаимодействие с пресс-службами, журналистами и студентами разных стран. Кроме агентства Sputnik в медиахолдинг МИА «Россия сегодня» входит новостной агрегатор ИноСМИ (переводит статьи зарубежных массмедиа на русский язык), крупнейшее агентство РИА Новости, специализированный портал Социальный навигатор (посвящен общественно-значимым вопросам), информационный ресурс Baltnews (освещает жизнь в Литве, Латвии и Эстонии), the Arctic (проект посвящен присутствию Российской Федерации в Арктике) и другие ресурсы, проекты, порталы. Также в России в свое время был создан Отдел цифровой дипломатии (в структуре Департамента информации и печати). Рост российской цифровой ойкумены фиксировался в отчете по рейтингу Twiplomacy 2018 г. Фактически МИД РФ тогда успел сформировать вторую сеть «твипломатии» в мире (после британцев)⁸.

Нормативное обеспечение российской цифровой ойкумены воплотилось в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (2016 г.), где достоверное информирование международной общественности о государственной политике России связывалось с обеспечением национальной безопасности страны в сфере культуры⁹. В «Концепцию внешней политики Российской Федерации» (2016 г.) также было добавлено положение, согласно которому страна ориентирована предоставлять государственную поддержку для усиления позиций русскоязычных и российских СМИ в мировом информационном пространстве¹⁰. Характерно, что в новой «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной президентским Указом 31.03.2023 г., с одной стороны, Россия называется *самобытным «государством-цивилизацией»* (п. 4)¹¹ с «более чем тысячелетним опытом самостоятельной государственности», определяется «ядром цивилизационной общности Русского мира» (п. 46), способным обеспечить гармоничное сосуществование разных народов, религиозных и этнических групп и стремящимся формировать систему международных отношений, обеспечивающей сохранность «культурно-цивилизационной самобытности» (п. 18), подчеркивается важность укрепления «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (п. 15). С другой стороны, обозначен фактор гибридной войны Запада, направленной на подрыв созидательной, по сути,

---

⁷ Sputnik. Международное информационное агентство и радио. URL: <https://россиясегодня.рф/brand/4602.html> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Колесникова Н.Л. Новые медиа в практике цифровой дипломатии России //Российская школа связей с общественностью. 2019. №12. С. 108-126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37104156> (дата обращения: 10.03.2023). Доступ к Twitter в России был ограничен на основании решения Генпрокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г.

⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. №640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. №229. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 31.03.2023).

«цивилизационной роли» России (п. 13) и представляющей угрозу ее суверенитету, а, поэтому подчеркивается важность асимметричных мер для пресечения недружественных действий, в том числе с применением информационно-коммуникационных технологий (п. 26), обозначается необходимость доведения до широкой зарубежной аудитории правдивой информации об истории, достижениях, внутренней и внешней политике России, а также распространения информации, укрепляющей традиционные духовно-нравственные ценности, способных послужить для всего человечества «объединяющим началом» (п. 48). В Концепции заявлено, что Россия намерена противостоять инспирированию «цветных революций», а также другим попыткам вмешательства в дела своих союзников и партнеров (п. 49). Концепция отражает современные исследования, где подчеркивается, что сохранение цивилизационного многообразия делает человечество более адаптивным к важным вызовам [27].

Какие механизмы еще есть у России для расширения ее цифровой ойкумены? Информационный телеканал Russia Today (RT), возникший в 2005 г., стал вести передачи на английском, испанском и арабском языках. Стали появляться «хабы» – зарубежные представительства, бюро RT в столицах различных стран. Программная повестка RT, проникшего и в цифровые сети, нацелена на формирование привлекательного, позитивного образа Российской Федерации за рубежом. Основной фокус внимания телеканала – местные, национальные и международные новости общественно-политического и экономического характера.

Правда, исследователи с 2018 г. обращали внимание на определенные проблемы у RT – канал изначально декларировал политику приоритета разъяснения российских ценностей в мире, однако в итоге сосредоточился на аргументации внешней политики Российской Федерации [24]. Другими словами, в выстраиваемой цифровой ойкумене российское государство пока отгеснило российскую цивилизацию. Логично предположить, что внешнеполитическая и цивилизационная тематика должны быть уравновешены для укрепления цифровой ойкумены российского государства-цивилизации. Тем более что на нее оказывается ответное давление со стороны пока более сильной цифровой ойкумены западной цивилизации.

Исследователи из Университета Вашингтона обратили внимание, что цифровые корпорации, владеющие популярными сетевыми платформами, стали маркировать некоторые ресурсы и контент известных массмедиа как связанные с российским государством. Такого рода медиаполитику можно охарактеризовать как *цифровую стигматизацию* (политику навешивания цифровых стигматов – особых ярлыков, меток на оппонента в политическом, ценностном, цивилизационном отношении; подробнее о феномене цифровой стигматизации можно узнать в отдельном исследовании¹²). Например, видеохостинг YouTube присваивал ярлыки («Russia Today is funded in whole or in part by the Russian Government») видеоконтенту Russia Today, но изначально не помечал сам аккаунт российского агентства. Эти ярлыки YouTube связывались с Wikipedia. Как признаются сами ученые из Университета Вашингтона¹³, использование видеохостингом ресурсов Wikipedia в виде источника таких ярлыков вызывает споры. Исследователи подчеркивают, что использование специальных цифровых меток цифровыми корпорациями сильно варьируется в зависимости от принадлежности массмедиа к какому-либо государству – немецкие медиа могут иметь пассивную метку «немецкая служба общественного мнения», тогда как российские активную (к примеру, «Полностью или частично финансируется российским правительством»). Однако

---

¹² Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. №11. С. 117-123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3. URL: <https://ras.jes.su/socis/s207751800000069-4-1-ru> (дата обращения: 10.03.2023).

¹³ Buckley N., Wack M., Schafer J., Zhang M. Inconsistencies in State-Controlled Media Labeling. URL: <https://www.eipartnership.net/2020/inconsistencies-in-state-controlled-media-labeling> (дата обращения: 10.03.2023).

причину такой двойственной стигматизации YouTube внятно не проясняет. Facebook¹⁴ также стал с 2020 г. стигматизировать контент и аккаунты (учетные записи) некоторых известных российских медиаресурсов («Russia state-controlled media»). В том же году за размещение антифашистских материалов с историческими фото эта платформа вообще ликвидировала страницу проекта Russia Today RedFish (якобы за «нарушение норм сообщества»). С 2021 г. аналогичную цифровую стигматизацию в отношении контента, аккаунтов и даже биографической информации учетных записей российских медиаресурсов стал осуществлять Twitter¹⁵ («Russia state-affiliated media»). Также Twitter практикует цифровую стигматизацию российских ресурсов специальным значком «микрофона на трибуне», который сопутствует каждой текстовой метке, указывающей на связь с российским государством.

Китай также начинают анализировать как государство-цивилизацию. Важно оттолкнуться от того, что в китайском языке термин «цивилизация» («вэньмин», 文明) складывается из двух иероглифов: вэнь (文) – культура, то, что создано человеком, а не природой, и мин (明) – свет, понимание, знание. Другими словами, для китайцев дискурс о цивилизации имеет этическую смысловую нагрузку, подразумевая связь человека с окружающим миром. Это, в свою очередь, переводит на проблему формирования в КНР парадигмы «экологической цивилизации» как нового этапа урбанизации¹⁶. Исследователи в своих изысканиях часто ссылаются [18] на Мартина Жака, опубликовавшего работу «Когда Китай правит миром». Среди черт китайского государства-цивилизации (имеющего в сравнении с его историей как государства-нации в 150-200 лет более древнюю, многотысячелетнюю летопись) этот автор называет традицию личных связей, межличностных взаимодействий гуанси, культ предков, ценности конфуцианства, семьи, особую роль государства и его специфическую модель взаимоотношения с обществом, особенности китайского языка и еды. В качестве цивилизационной характеристики Китая А. Пабст называет «китайскую мечту» (чжунго мэн), связанную с принципами «сбалансированного развития» государственного капитализма (а не американской модели рыночного капитализма), «культурного прогресса», конфуцианской «глобальной гармонии», «пути гуманной власти» в международных отношениях (в противоположность западному колониализму) [19].

К другим компонентам китайской цивилизации относят: тун янь (соблюдение преемственности в изменениях, соответствие моменту), хэ (согласие, гармония между людьми), веру в моральное воздаяние, справедливого возмездия за любые действия. Своеобразным аналогом «Русскому миру» является «хуацяо» – китайские общины, которые свою идентичность связывают с Китаем, нередко направляя в него инвестиции. Такие общины также можно рассматривать в качестве дополнительной основы цифровой ойкумены китайского государства-цивилизации [12].

С научной рефлексией феномена государства-цивилизации в самом китайском академическом сообществе не так все просто. Так, в современном Китае развивается концепция «геоцивилизационного континуума» Жуань Вэя, профессора Шэньчжэньского университета, заменяющая жесткую дихотомию «цивилизация – варвары», утверждающую китайскую монополию на цивилизованность, на более гибкую и научно объективную – «цивилизация – цивилизация», признающую цивилизационный плюрализм. Геоцивилизация – это сравнительно экономически, политически целостное сообщество со схожей культурно-исторической памятью и одной географической судьбой. Жуань Вэй отмечает тренд от цивилизации через геоцивилизацию к глобальной цивилизации планетарного характера, признаками которого являются: регионализация, установление взаимовыгодных

---

¹⁴ Деятельность корпорации Meta, а также ее платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ.

¹⁵ Доступ к Twitter в России был ограничен на основании решения Генпрокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г.

¹⁶ Бальчиндоржиева О.Б. Экологическая цивилизация Китая: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 81-85. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-2-81-85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-tsivilizatsiya-kitaya-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 10.03.2023).

взаимодействий внутри региона, соседство, как скрепляющее общности в гецивилизацию на основе культурной близости. Между тем есть и другие, более осторожные оценки сущности китайской цивилизации в рамках концепций китайской духовной цивилизации (Люсьен Пай, Лю Шусянь), конфуцианской цивилизации (Ма Чжэнь Фэн), конфуцианского культурного круга Ду Вэймина и др. [17]. Нельзя исключать, что такие геополитические идеи могут стать концептуальной основой стратегии расширения китайской цифровой ойкумены на многие годы вперед. Применяя терминологию В.Л. Цымбурского, важно понимать, что не только у России, но и у Китая также существует собственный межцивилизационный Великий Лимитроф (от Кореи до Мьянмы и Вьетнама), особенности и стратегическая важность которого скорее всего будут основой для формирования цифровой ойкумены.

Цифровая ойкумена китайского государства-цивилизации тоже имеет свою историю. Важным ее предшественником стало создание Международного радио Китая в 1954 г. С 2006 г. благодаря кабельной сети начали транслироваться несколько китайских каналов в Киргизии и Казахстане. В своей государственной политике иновещания, цифровой дипломатии Китай использует сочетание гунгуань вайцзяо (PR-дипломатии – официальных визитов лидера страны, послов, дипломатических миссий, политических переговоров, создающих важные информационные поводы), мэйти вайцзяо (СМИ-дипломатии – активность массмедиа, подконтрольных китайским властям) и жэньвэнь вайцзяо (гуманитарной дипломатии – создание Институтов Конфуция, проекты по продвижению китайской культуры в рамках реализации «Национальной стратегии по распространению китайского языка в других странах», «Моста китайского языка» и др.)¹⁷. Открытие в разных странах Институтов Конфуция можно связать с реализацией на практике концепции «культурной мягкой силы» (вэньхуа жуаньшили, 文化软实力) Ван Хунина, призвавшего в своей статье активней пропагандировать китайскую культуру на международной арене. Культурная мягкая сила включала и стипендиальные, грантовые программы, популяризацию китайской музыки и кинематографа, туры блогеров в Китай¹⁸. Тем самым китайские аналитики и политологи пересмотрели идею «мягкой силы» Дж. Ная, исходя из интересов и цивилизационных особенностей своей страны.

В 2009 г. китайские власти обозначили стратегию по расширению активности китайских иноязычных массмедиа. Китайские медиа могут ссылаться на западные информационные агентства, размещающие критические материалы на своих ресурсах о собственных правительствах. Серьезное внимание китайские власти придают освещению тех внутриполитических новостей, которые могут повлиять на международный имидж страны. Цели формирования цифровой ойкумены служит и практика покупки иностранных медиаактивов, способствующая необходимой Китаю интерпретации его внутренней и внешней политики на Западе [13, с. 255]. Ключевую роль в актуализации политических дискурсов в интернет-коммуникациях стали играть так называемые веб-мастера. Еще нужно учитывать, что большая доля контента, создаваемого носителями китайского языка, аполитична [11, с. 344]. Следующим значимым шагом по формированию цифровой ойкумены стала публикация «Белой книги» Информационным бюро Госсовета КНР в 2010 г., где были прописаны положения о международном сотрудничестве в сфере обеспечения кибербезопасности, управления интернет-коммуникациями, аспекты гарантирования в них прав и свобод. В китайском дискурсе появился термин «Интернет-суверенитет». В 2016 г. в

---

¹⁷ Ван Юйфэй. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. №4. С. 145–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172. URL: <https://fmp.elpub.ru/jour/article/view/160> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁸ Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе новые идеологемы внешней политики КНР. М.: Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России, 2022. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Китае была принята «Национальная стратегия информатизации и развития»¹⁹, в которой прописано, что к 2025 г. появится высокотехнологичная международная мобильная сеть, позволяющая КНР повысить свою кибербезопасность и конкурентоспособность национальной экономики; кроме того, в стратегии определен «образ будущего» (Китай к середине XXI века должен, опираясь на социалистическую концепцию, стать «сильным сетевым государством»).

Распространение влияния цифровой ойкумены китайского государства-цивилизации можно связать с хуаюйцюань (话语权) – относительно новой политической доктриной КНР «дискурсивной силы», приобретающей популярность с правления Си Цзиньпина. Китайские аналитики в концептуализации «дискурсивной силы» ссылаются на работы М. Фуко (переводимые на китайский язык и ставшие довольно популярными в КНР), как и раньше – в случае переосмысления «мягкой силы» Дж. Ная. Хотя китайские исследователи, применяя концепцию дискурсивной власти Фуко, стали ее видоизменять под интересы и особенности своей страны. Так, важнейшей функцией дискурса определяется «упорядочивание мирового порядка» (对世界程序的整理)²⁰. Получается, тот актер, который владеет «дискурсивной силой», и получает право на «организацию» мирового порядка, а, следовательно, обладает основной властью. Эксперты выделяют четыре основных направления применения «дискурсивной силы» Китая: моральное, политическое, институциональное, а также технологическое. Под технологическим направлением понимается превращение КНР в законодателя «технологической моды» – через воздействие на технологические стандарты и технологический уклад человечества.

Успех политики инновационного вещания на примере китайского агентства «Синьхуа» специалисты объясняют несколькими причинами. Во-первых, популярность подобных массмедиа фиксируется в тех странах, которые активно взаимодействуют с Китаем в сфере бизнеса, инвестиций. Во-вторых, успешное расширение цифровой ойкумены и одновременное продвижение культурных ценностей КНР связано, прежде всего, с наличием в определенных странах хуацяо – китайских общин, диаспор (известны случаи стихийного осуждения проживающими за рубежом китайскими студентами западных медиа, критикующих политику КНР [11, с. 345]). Препятствует расширению китайской цифровой ойкумены невключенность ряда крупных массмедиа Китая в постоянную сетку вещания зарубежных стран. Недостаточный учет мировоззренческих особенностей народов других стран также может являться причиной недоверия к китайскому инновационному вещанию. Как и в случае с Россией, важнейшим фактором сдерживания роста цифровой ойкумены китайского государства-цивилизации является контрактивность и контрдействия западной цифровой ойкумены (к примеру, американские массмедиа в одно время стали массово формировать негативный образ Китая на примере Синьцзян-Уйгурского кейса, стигматизировать китайскую информационную политику как жесткую дипломатию «воина-волка»²¹). «Радио Свобода»²²,

---

¹⁹ Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. №2. С. 382-394. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-politika-i-informatsionnaya-bezopasnost-knr-razvitie-podhody-i-realizatsiya> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁰ Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе новые идеологемы внешней политики КНР. М.: Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России, 2022. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuul1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

²¹ Бутырин Д.А., Аргылов Н.А. Инновационное вещание как инструмент публичной дипломатии КНР в эпоху COVID-19 (на примере деятельности информационного агентства "Синьхуа") //Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 1. С. 59-75. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).59-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoveschanie-kak-instrument-publichnoy-diplomatii-knr-v-epohu-covid-19-na-primere-deyatelnosti-informatsionnogo-agentstva-sinhua> (дата обращения: 10.03.2023).

²² Организация «Радио Свобода» в РФ включена в реестр СМИ-иноагентов.

как элемент западной цифровой ойкумены, к примеру, поддерживает дискурс о «китайской угрозе» – стремления КНР к мировому господству²³.

В настоящий момент можно говорить о соприкосновении цифровых ойкумен России и Китая в одном регионе – странах Центральной Азии. И здесь государствам-цивилизациям России и Китая придется выстроить стратегические приоритеты, сосредоточенные не на конкуренции, а на целевой работе, а также медийном, научном, экономическом, антитеррористическом сотрудничестве, межцивилизационном диалоге, предотвращении политической дестабилизации, инспирирования «цветных революций», чтобы обеспечить безопасность, культурное разнообразие и экономическое процветание данного региона. Не исключено, что внешние недружелюбные акторы будут стараться спровоцировать противоречия между двумя цифровыми ойкуменами. Поэтому в российской и китайской концепциях государственных политик инновационного развития важное значение приобретает гармоничное сосуществование и добрососедство – учет интересов соседа в понимании Жуань Вэя.

Китайская инициатива «Пояс и путь» подразумевает и конструирование цифровой ойкумены через стратегию «Цифрового шелкового пути», ощущаемого на примере развивающихся стран, куда проникает китайская цифровая продукция, инфраструктура, упрочняющая свои технологические стандарты, отличные от западных. Стратегическую опору такой цифровой ойкумены создают, прежде всего, китайские цифровые корпорации (Huawei, China Unicom, China Telecom, Inspur, ZTE и др.), чья деятельность сохраняет децентрализованную природу, освобожденную от жесткого ведомственного контроля властей, но, в то же время, учитывающую интересы КНР за рубежом. Перспективными направлениями в конструировании китайской цифровой ойкумены являются: внедрение сквозных цифровых технологий Интернета вещей, искусственного интеллекта, систем видеонаблюдения, платформ электронной торговли, моделей «умных городов», распространение мобильных сетей поколения 5G, подключение новых участков к спутниковой системе «Бэйдоу». Китай предлагает стратегию «Цифрового шелкового пути» другим странам, рассчитывая сократить «цифровой разрыв» между ними [15]. Для создания цифровой ойкумены КНР принципиальное значение имеет разворачивание спутниковой навигационной системы «Бэйдоу», так как она означает строительство китайских спутниковых станций наземного базирования за пределами Китая. Гипотетически «Бэйдоу» и подобного рода системы (в том числе и российские) могут составить конкуренцию такой основе западной цифровой ойкумены как американская GPS.

В китайской дипломатической терминологии даже появилась формулировка «Умный шелковый путь» (智能丝绸之路) [15]. Вероятно, такая политическая стратегия построения окружающей цифровой ойкумены исходит из понятия «умной власти» – прагматичной формы власти, означающей синтез приемов убеждения, дипломатии, а также наращивания силы для достижения цели. «Умная власть» делает ставку не на развитие либеральной формы демократии, а на достижение социальной гармонии. В китайских медиа применяется практика инструктажа, означающего партийные рекомендации, а также микроменеджмент контента. За генерацию и производство определенного контента отвечает конкретное ответственное лицо. Помимо инструктажа сотрудники медиа могут обращаться за консультацией к своим руководителям, чтобы определить степень политкорректности при медийном освещении различных проблем. Есть категории вопросов, открытых для сдержанной критики, а есть вопросы, считающиеся стратегически важными для государства (с ними осуществляется более взвешенная и осторожная работа). К слову, М. Кастельс отмечает, что неких общих правил цензуры не существует [11, с. 338-341]. Тем не менее,

---

²³ Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе новые идеологемы внешней политики КНР. М.: Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России, 2022. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vjuuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

приходится признавать, что для китайских властей пока приоритетом является не государственная политика инноваций, а цифровая экосистема внутри самой страны. С этим связано применение файерволла, механизм лицензирования интернет-компаний, перенаправление пользователей на другие сайты, конфигурирование системы интернет-шлюзов, отслеживание органами власти реакции на проводимую политику [13, с. 247-267].

Выводы

Государство-цивилизация, как специфическая полития и форма культурно-политической эволюции, имеет несколько признаков, выделяемых в российском и зарубежном академическом дискурсе. В первую очередь, говорить о феномене государства-цивилизации в определенной стране можно, если в ней есть значительная общность, которая осознает себя не просто частью глобального мира, а некой культурно-политической целостностью, консолидируемой благодаря сохранению государством воспроизводимого и адаптивного к внешним вызовам цивилизационного ядра. Эта культурно-политическая целостность длительно поддерживается политическим суверенитетом, соответствующим мировоззрением и связана с надэтническим характером идентичности, единством территориального и исторического пространства, общей исторической памятью, высокоразвитым литературным языком. К государствам-цивилизациям разные исследователи относят Россию, Китай, Индию, Иран, Турцию. Но и они имеют принципиальные отличия, которые заключаются в специфике охраняемых государством и воспроизводимых цивилизационных ядер.

В работе была предпринята попытка концептуализации феномена цифровой ойкумены – системы из информационных агентств, корпораций, интернет-ресурсов, радио, телевидения, ведущей медийную активность в других странах для позиционирования и защиты интересов, ценностно-цивилизационной, политической, экономической повестки создавших ее государств. Сравнительный анализ на примере кейсов России и Китая показал, что можно выделить определенные схожие типы приемов, направлений конструирования разных цифровых ойкумен: государственную политику инноваций; стратегические нормативные документы, касающиеся информационной сферы; цифровую дипломатию, а также защиту цифрового суверенитета.

Немаловажным фактором является то, что цифровая глобализация как прикрытие односторонней вестернизации – бескомпромиссного навязывания западных ценностей, технологических стандартов, алгоритмов и мировоззрения через разрастание западной цифровой ойкумены – провоцирует со стороны государств-цивилизаций ответную реакцию по защите своих мировоззренческих систем, цифрового суверенитета в виде культурной и технологической политики, стратегически переплетающихся и поддерживающих друг друга в феномене цифровой ойкумены. Очевидно, что государства-цивилизации в условиях развития глобальных сетевых коммуникаций (геомедиа) ориентированы на поддержание собственных цифровых ойкумен, как новых полей технологических и культурных стратегических действий, способных защитить целостность цивилизационных ядер таких политий. Цифровая ойкумена не только защищает культурный и цифровой (технологический) суверенитет государства-цивилизации, но и не дает ему замкнуться в узких рамках своих политических границ, активно помогая быть открытым миру в плане конструктивного межцивилизационного диалога.

Цивилизационная бескомпромиссность Запада, его стратегия *divide et impera* – регулярного провоцирования конфликтов по всему миру для удержания собственной экономической, политической и культурной гегемонии, скорее всего, будут способствовать укреплению такой формы политии как государство-цивилизация в России, Китае и других странах. В итоге государства-цивилизации могут сосредоточиться на выстраивании новой, более справедливой системы международных отношений, основанной на урегулировании политических, экономических, религиозных и этнических конфликтов, а не их эскалации и консервации. Нельзя исключать, что основой такого нового международного порядка в будущем станет более гармоничный режим взаимодействия разных цифровых ойкумен государств на примере межцивилизационного, экономического, технологического

сбалансированного сотрудничества, финансовых транзакций, научных, экологических и образовательных проектов созидательного содержания.

При сравнительном анализе было выявлено ответное давление со стороны цифровой ойкумены западной цивилизации на попытки России и Китая создать свои цифровые ойкумены как новые стратегические поля (что отчетливо видно на примерах цифровой стигматизации). Особо подчеркивается, что государствам-цивилизациям России и Китая придется выстроить стратегические приоритеты при соприкосновении своих цифровых ойкумен, сосредоточенные не на конкуренции, а на целевой работе, медийном, научном, экономическом, антитеррористическом сотрудничестве, межкультурном диалоге. Это важно для того, чтобы обеспечить безопасность, культурное разнообразие и экономическое процветание тех регионов, где Россия и Китай рано или поздно будут пересекаться в экономическом, научном, политическом, медийном, технологическом и ценностном смысле.

Безусловно, не до конца проясненными остаются проблемы отличий цифровых ойкумен государств-цивилизаций и государств-наций. Также важно более глубоко исследовать вопросы ценностных и цифровых взаимоотношений самих государств-наций в рамках западной цивилизации. Уточнение необходимо и в области взаимоотношений современных государств-цивилизаций. Данная статья лишь актуализирует некоторые вопросы соотношения государственного, цивилизационного и цифрового. Поэтому дальнейший интеллектуальный поиск возможен и необходим в последующих научных исследованиях.

Литература

1. Антонова Ю.Т., Винокурова В.С. Проблемы мировоззрения глазами обучающихся Крайнего Севера //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
2. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. /Пер. с англ. – М.: НЛЮ, 2021. 304 с.
3. Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации //Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17. - №6. – С. 15-29. – DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29.
4. Бойд-Барретт О. Медиа-империализм. /Пер. с англ. – Х.: Гуманитарный центр. 2018. 292 с.
5. Виноградов М.Ю., Джубилова Е.Г., Попов Н.С., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
6. Володенков С.В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения //Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. № 3. – С. 20-40. – DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-20-40.
7. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2022. – Т. 18. - № 3. – С. 230-253. – DOI: 10.21638/spbu23.2022.301.
8. Володин А.Г. Индия как "государство-цивилизация" //Общественные науки и современность. – 2022. – № 6. – С. 106-124. – DOI: 10.31857/S0869049922060089.
9. Ефанов А.А., Эфендиева Н.Э. Становление инновационности в России и за рубежом: историко-генетический и компаративистский анализ //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25. № 4. – С. 746-755. – DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-746-755.
10. Ерохина Е.А. Этническое многообразие в генезисе России как государства-цивилизации //Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – Т. 8. - № 3. – С. 8-13.
11. Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. - М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. 591 с.
12. Кива А.В. Китай и Россия: разные цивилизации, разные реформы //Россия и современный мир. – 2010. – № 2(67). – С. 180-193.

13. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.
14. *Кондорский Б.М.* Россия как государство-ойкумена //Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 124-133. – DOI: 10.46726/И.2021.3.13.
15. *Лексютина Я.В., Сизов Г.А.* Цифровой шелковый путь: особенности и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6 (75). С. 324–339.
16. *Лубский А.В.* Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России //Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 2. – С. 30-45.
17. *Мигунов Н.И., Мигунова О.В.* О теоретических основаниях китайской концепции "геоцивилизационного континуума" //Век глобализации. – 2017. – № 2(22). – С. 20-36.
18. *Наумкин В.В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? //Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78-93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.
19. *Пабст А.* Цивилизация и либеральная демократия //Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 26-42. – DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04.
20. *Подшибякина Т.А.* Идеологические аспекты мировоззрения: методология исследования в политической науке //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
21. *Полосин А.В.* Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
22. *Полулях Д.С.* Концепция культурной войны и ее потенциал для анализа политико-мировоззренческих конфликтов //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
23. *Савенков Р.В.* Отражение идей Н.Я. Данилевского в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
24. *Соловьева Е.А., Чекменев Д.С.* Проблемы и тенденции дискурса информационного телеканала RT как элемента системы российского внешнеполитического вещания //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – №8(99). – С. 141-146.
25. *Спиридонова В.И.* Контурсы многоцивилизационного мира //Проблемы цивилизационного развития. – 2022. – Т. 4. № 2. – С. 5-32. – DOI: 10.21146/2713-1483-2022-4-2-5-32.
26. *Сулимин А.Н.* Глобализация для России: от корпорации-государства к государству-цивилизации //Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3(40). – С. 095-102.
27. *Сытин А. Г.* Цивилизационная проблематика в философско-политических трудах академика Н. Н. Моисеева // Проблемы цивилизационного развития. – 2019. – Т. 1. № 1. – С. 17-32. – DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-17-32.
28. *Федорченко С.Н.* Мировоззренческая проблематика в современном академическом дискурсе: размышления над тематическим номером //Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. - №3. – С. 3-8. – DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-3-8.
29. *Флигстин Н., Макадам Д.* Теория полей. /Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной. - М.: Изд. дом ВШЭ. 2022. 464 с.
30. *Ходаковский Е.А.* Геоцивилизационные основы единства пространства и времени //Пространство и Время. – 2010. – № 2(2). – С. 22-31.
31. *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения //Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». - 2020. - №2. - С. 37–47. - DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.
32. *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. - М.: Европа, 2011. 372 с.
33. *Шахуд З.* Информационное влияние на арабоязычный мир во внешней политике России //Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 6. – С. 46-52. – DOI: 10.31857/S032150750005165-3.
34. *Шичанин А.В., Гривков О.Д.* Умеренный консерватизм как мировоззренческая основа современной России //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.

35. Шмелева О.Ю., Шаблов В.А. Ценностно-мировоззренческие основы восприятия молодежью современного российского государства в условиях глобальной нестабильности //Журнал политических исследований. - 2023. - Т. 7. - №1.
36. Штрэнгер К. Приключение Свобода. Путеводитель по шатким временам. Цивилизованное презрение. Как нам защитить свою свободу. Руководство к действию. /Пер. с нем. А. Ярина. – М.: НЛО, 2019. 236 с.
37. Эллюль Ж. Феномен пропаганды. /Пер. с фр. Г. Шариковой. - СПб.: Алетейя. 2023. 410 с.
38. Энценбергер Г. Индустрия сознания. Элементы теории медиа. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
39. Яхшиян О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика //Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 52-58. – DOI: 10.26425/1816-4277-2019-10-52-58.
40. Veznosov M.A. Foreign policy in an era of digital diplomacy //Журнал политических исследований. - 2021. - Т. 5. - №2. - С. 117-123. - DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-117-123.

References

1. Antonova Yu.T., Vinokurova V.S. Problemy mirovozzreniya glazami obuchayushchikhsya Kraynego Severa [Problems of worldview through the eyes of students of the Far North], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
2. Arnason Y. *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*. [Civilization patterns and historical processes], M., NLO Publ., 2021, 304 p. (In Russian).
3. Bagdasaryan V.E. Kontseptsiya gosudarstva-tsivilizatsii: problemy metodologii i politicheskoy realizatsii. [The concept of the state-civilization: problems of methodology and political implementation], *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2022, V. 17, I. 6, pp. 15-29, DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29. (In Russian).
4. Boyd-Barrett O. *Media-imperializm*. [Media imperialism]. Kh., Gumanitarnyy tsentr Publ., 2018, 292 p. (In Russian).
5. Vinogradov M.Yu., Dzhibilova E.G., Popov N.S., Sultanova G.D., Fidrya E.S. Obraz tsifrovogo mira i vospriyatie politiki tsifrovizatsii v obshchestvennom soznanii rossiyan [The image of the digital world and the perception of digitalization policy in the public mind of Russians], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
6. Volodenkov S.V. Okruzhajushhij mir kak simuljativnaja real'nost': o kommunikacionnykh osnovakh sovremennogo mirovozzrenija [The surrounding world as a simulation reality: on the communication foundations of the modern worldview], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3, p. 20-40. (In Russian).
7. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Sotsiotekhnicheskaya real'nost' tsifrovogo prostranstva sovremennoy politiki: struktura i osobennosti [Sociotechnical reality of the digital space of modern politics: structure and features], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 2022, V. 18, I. 3, pp. 230-253, DOI: 10.21638/spbu23.2022.301. (In Russian).
8. Volodin A.G. Indiya kak "gosudarstvo-tsivilizatsiya" [India as a "state-civilization"] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2022, I. 6, pp. 106-124, DOI: 10.31857/S0869049922060089. (In Russian).
9. Efanov A.A., Efendieva N.E. Stanovlenie inoveshchaniya v Rossii i za rubezhom: istoriko-geneticheskij i komparativistskiy analiz. [Formation of foreign broadcasting in Russia and abroad: historical-genetic and comparative analysis], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism], 2020, V. 25, I. 4, pp. 746-755, DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-746-755. (In Russian).
10. Erokhina E.A. Etnicheskoe mnogoobrazie v genezise Rossii kak gosudarstva-tsivilizatsii [Ethnic diversity in the genesis of Russia as a state-civilization], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences], 2015, V. 8, I. 3, pp. 8-13. (In Russian).

11. Castells M. Vlast' kommunikatsii [The power of communication], M., Ed. HSE house, 2017, 591 p. (In Russian).
12. Kiva A.V. Kitay i Rossiya: raznye tsivilizatsii, raznye reform [China and Russia: different civilizations, different reforms], *Rossiya i sovremennyy mir*, [Russia and the modern world], 2010, I. 2 (67), pp. 180-193. (In Russian).
13. Keane J. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. M., Ed. house HSE, 2015, 312 p. (In Russian).
14. Kondorsky B.M. Rossiya kak gosudarstvo-oykumena [Russia as an ecumene state], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities], 2021, I. 3, pp. 124-133, DOI: 10.46726/H.2021.3.13. (In Russian).
15. Leksyutina Ya.V., Sizov G.A. Tsifrovoy shelkovyy put': osobennosti i perspektivy razvitiya [Digital Silk Road: Features and Development Prospects], *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of National Strategy], 2022, I. 6 (75), pp. 324–339. (In Russian).
16. Lubsky A.V. State-civilization and national-civilizational identity in Russia [Gosudarstvo-tsivilizatsiya i natsional'no-tsivilizatsionnaya identichnost' v Rossii], *Gumanitarniy Yuga Rossii*, [Humanist of the South of Russia], 2015, I. 2, pp. 30-45. (In Russian).
17. Migunov N.I., Migunova O.V. On the theoretical foundations of the Chinese concept of "geocivilization continuum" [O teoreticheskikh osnovaniyakh kitayskoy kontseptsii "geotsivilizatsionnogo kontinuum"], *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 2017, I. 2 (22), pp. 20-36. (In Russian).
18. Naumkin V.V. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-tsivilizatsiya? [Non-Western Model: Does a State-Civilization Exist?], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2020, I. 4, 78-93, DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06. (In Russian).
19. Pabst A. Tsivilizatsiya i liberal'naya demokratiya [Civilization and liberal democracy], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2021, I. 4, pp. 26-42, DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04. (In Russian).
20. Podshibyakina T.A. Ideologicheskie aspekty mirovozzreniya: metodologiya issledovaniya v politicheskoy nauke [Ideological Aspects of Worldview: Research Methodology in Political Science], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
21. Polosin A.V. Bol'she, chem konservatizm: istoriko-politicheskie osnovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti [More than conservatism: historical and political foundations of Russian statehood], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
22. Polulyakh D.S. Kontseptsiya kul'turnoy voyny i ee potentsial dlya analiza politiko-mirovozzrencheskikh konfliktov [The concept of cultural war and its potential for the analysis of political and ideological conflicts] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
23. Savenkov R.V. Reflection of the ideas of N.Ya. Danilevsky in the "National Security Strategy of the Russian Federation" [Otrazhenie idey N.Ya. Danilevskogo v «Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
24. Solovieva E.A., Chekmenev D.S. Problemy i tendentsii diskursa informatsionnogo telekanala RT kak elementa sistemy rossiyskogo vneshnepoliticheskogo veshchaniya [Problems and trends in the discourse of the RT news channel as an element of the system of Russian foreign policy broadcasting] *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management], 2018, I. 8 (99), pp. 141-146. (In Russian).
25. Spiridonova V.I. Kontury mnogotsivilizatsionnogo mira [Contours of a multi-civilizational world], *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, 2022, V. 4, I. 2, pp. 5-32, DOI: 10.21146/2713-1483-2022-4-2-5-32. (In Russian).

26. Sulimin A.N. Globalizatsiya dlya Rossii: ot korporatsii-gosudarstva k gosudarstvu-tsvivilizatsii [Globalization for Russia: from a corporation-state to a state-civilization], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* Caspian region: politics, economics, culture], 2014, I. 3(40), pp. 95-102. (In Russian).
27. Sytin A. G. Tsvivilizatsionnaya problematika v filosofsko-politicheskikh trudakh akademika N. N. Moiseeva [Civilizational problems in the philosophical and political works of academician N. N. Moiseev], *Problemy tsvivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of civilizational development], 2019, V. 1, I. 1, pp. 17-32, DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-17-32. (In Russian).
28. Fedorchenko S.N. Mirovozzrencheskaya problematika v sovremennom akademicheskom diskurse: razmyshleniya nad tematicheskim nomerom [Worldview problems in modern academic discourse: reflections on the thematic number], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, V. 6, I. 3, pp. 3-8, DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-3-8. (In Russian).
29. Fligstin N., Makadam D. *Teoriya poley* [Theory of fields], M., Ed. HSE house, 2022, 464 p. (In Russian).
30. Khodakovskiy E.A. Geotsivilizatsionnye osnovy edinstva prostranstva i vremeni [Geocivilizational foundations of the unity of space and time], *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2010. I. 2(2), pp. 22-31. (In Russian).
31. Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The Phenomenon of Digital Diplomacy in International Relations and the Methodology of its Study] *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. Story. International relationships"], 2020, I. 2, pp. 37–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47. (In Russian).
32. Tsymburskiy V. *Conjunctures of the Earth and Time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations Kon'yunktury Zemli i Vremeni* [Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya], M., Europe Publ., 2011, 372 p. (In Russian).
33. Shahud Z. Informatsionnoe vliyanie na araboyazychnyy mir vo vneshney politike Rossii [Information influence on the Arabic-speaking world in Russia's foreign policy], *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2019, I. 6, pp. 46-52, DOI: 10.31857/S032150750005165-3. (In Russian).
34. Shichanin A.V., Grivkov O.D. Umerenny konservatizm kak mirovozzrencheskaya osnova sovremennoy Rossii [Moderate conservatism as the ideological basis of modern Russia], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
35. Shmeleva O.Yu., Shablov V.A. Tsennostno-mirovozzrencheskie osnovy vospriyatiya molodezh'yu sovremennogo rossiyskogo gosudarstva v usloviyakh global'noy nestabil'nosti [Value and worldview foundations of young people's perception of the modern Russian state in the context of global instability], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. (In Russian).
36. Strenger K. *Priklyuchenie Svoboda. Putevoditel' po shatkim vremenam. Tsvivilizovannoe prezrenie. Kak nam zashchitit' svoyu svobodu. Rukovodstvo k deystviyu* [Adventure Freedom. A guide to shaky times. Civilized contempt. How can we protect our freedom. Guide to action], M., NLO Publ., 2019, 236 p. (In Russian).
37. Ellul J. *Fenomen propagandy* [The Propaganda Phenomenon], SPb., Aletheia Publ., 2023, 410 p. (In Russian).
38. Enzenberger G. *Industriya soznaniya. Elementy teorii media* [The industry of consciousness. Elements of media theory]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 96 p. (In Russian).
39. Yakhshiyan O.Yu. Russkiy kul'turnyy (tsivilizatsionnyy) kod: identichnost' i politika [Russian cultural (civilizational) code: identity and politics], *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2019, I. 10, pp. 52-58, DOI: 10.26425/1816-4277-2019-10-52-58. (In Russian).
40. Beznosov M.A. Foreign policy in an era of digital diplomacy, *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2, pp. 117-123^ DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-117-123.